

Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

(Наброски по неизданнымъ матеріаламъ).

II. Семинарія¹⁾.

Николай Гавриловичъ подросъ; надо его было отдавать учиться. Въ мѣстное духовное училище, говоритъ Ф. В. Духовниковъ, Гавріилъ Ивановичъ не хотѣлъ отдавать сына, тѣмъ болѣе, что ректоръ Саратовскаго духовнаго училища, священникъ Амальевъ, не пользовался репутаціей честнаго человѣка. Какъ извѣстно, Г. И., давъ своему сыну домашнее образованіе, направилъ его въ Саратовскую семинарію. Но на самомъ дѣлѣ, Н. Г. былъ въ училищѣ. (Юдинъ, П. „Истор. Вѣст.“, 905, 12).

По мѣрѣ того, какъ росъ Чернышевскій, въ немъ возростала и любовь къ чтенію. Книги его очень интересовали; придетъ ли къ нему кто-нибудь изъ товарищей, или самъ Н. Г. зайдетъ къ товарищу,—сейчасъ начнетъ рассказывать, что прочиталъ. „А, вѣдь, какъ занимательно“, скажетъ при этомъ.

У Николая Гавриловича было сильно развито стремленіе помогать другимъ въ учебныхъ занятіяхъ; въ томъ кварталѣ, гдѣ находился домъ его отца, было много мальчиковъ, моложе и старше Н. Г. Съ ними часто игралъ Николай Гавриловичъ; но всегда онъ предпочиталъ книги играмъ. Самъ онъ никогда не отрывалъ ни-

¹⁾ См. „Русская Старина“ январь 1912 г.

ного отъ учебныхъ занятій, но даже оставлялъ игры, если видѣлъ, что мальчикъ учитъ урокъ и не понимаетъ чего-либо ¹⁾).

Въ домѣ Чернышевскихъ до сихъ поръ существуетъ мезонинъ, въ которомъ всегда занимался Н. Г., будучи мальчикомъ; да и для взрослога это было любимымъ мѣстомъ для чтенія. Въ этомъ мезонинѣ и жилъ Н. Г., когда выросъ. Отсюда открывается прелестный видъ на Волгу (тогда Волга около Саратова была шириной до семи верстъ), слободу Покровскую, Зеленый островъ, знаменитый Увекъ, служившій однимъ изъ главныхъ предметовъ разговоровъ и изслѣдованій Г. С. Саблукова, знакомство съ которымъ не осталось безъ вліянія на Чернышевскомъ.

Въ семинаріи ближе другихъ для Николая Гавриловича были товарищи Левицкій и Мансветовъ.

Первый отличался большой самостоятельностью. Еврейскій языкъ тогда преподавалъ въ семинаріи А. Т. Петровскій, выдававшій ученикамъ, вмѣсто учебника, свои записки. Левицкій, хорошо знавшій еврейскій языкъ, исчеркалъ эти записки, найдя въ нихъ много ошибокъ, и исправилъ ихъ. Узнавъ объ этомъ, Петровскій спросилъ Левицкаго: „Зачѣмъ ты такъ исчеркалъ мои записки?“

Грубый и дерзкій Левицкій отвѣтилъ: „А зачѣмъ вы наврали?“ Левицкаго лишили казеннаго содержанія.

Мансветовъ иногда (раза два на недѣлю) заходилъ на домъ къ Чернышевскому, но ненадолго; можетъ быть, ему не совсѣмъ нравился пріемъ у Николая Гавриловича, такъ какъ Мансветовъ очень любилъ выпить.

Вообще, въ то время (1830—40 г.г.) грубость, худыя манеры, невоздержная жизнь процвѣтали въ семинаріи. Даже Иривархъ Ивановичъ Введенскій (ранѣе Чернышевскаго учившійся въ семинаріи) былъ крайне невоздержной жизни и скандалистъ большой руки. Левицкій за пьянство кончилъ курсъ во второмъ разрядѣ.

Что касается внѣшности саратовскихъ семинаристовъ, то она была очень неказиста: въ казинетовыхъ сюртукахъ, съ костяными пуговицами, многіе ходили нечесанными,—гребенки стоили денегъ, а ихъ у семинаристовъ не было. Преосвященный Іаковъ (Вечерковъ) даже косо смотрѣлъ на тѣхъ, которые любили прилично одѣться; такъ, онъ не долюблялъ и не представлялъ къ награждѣ

¹⁾ Для біографіи Н. Г. Чернышевскаго имѣетъ значеніе книга М. Воронова „Болото. Картины С.-Петербургской, Московской и провинціальной жизни“. СПб. 1870. Здѣсь подробно говорится о „Малой Азіи“, т. е., дворѣ—мѣстѣ игръ Н. Г., дворѣ самого Воронова и гимназическихъ учителяхъ съ которыми пришлось имѣть дѣло Н. Г.—чу. Самъ Вороновъ—секретарь Чернышевскаго въ Петербургѣ.

одного хорошаго и трезваго учителя только за то, что онъ одѣвался очень прилично и носилъ бакенбарды.

Теперь, каковъ былъ учительскій персоналъ семинаріи того времени (30—40-ые годы)?

Многіе учителя, или, какъ ихъ тогда называли, профессора, составляли гордость семинаристовъ, говорятъ прот. И. В. Любомудровъ, И. Н. Виноградовъ и свящ. Павильоновъ, и о достоинствахъ преподавателей ученики много спорили.

Нѣкоторые учителя читали въ классѣ лекціи, напр., Г. С. Воскресенскій, благодаря чему, семинаристы слышали живое слово; другіе, напр., Сокольскій, заставляли писать въ классѣ сочиненія послѣ предварительныхъ объясненій преподавателя, чѣмъ приучали учениковъ правильно излагать свои мысли.

Саблуковъ свободно объяснялся по-татарски. По отзыву перечисленныхъ выше лицъ, онъ былъ эгоистомъ, человѣкомъ самоувѣреннымъ. Слово его—законъ, но человѣкъ онъ былъ очень умный. Саблуковъ иногда смѣшилъ учениковъ своими остротами. „Садись, дерево, на дерево“, скажетъ, бывало, ученику, который неудачно отвѣтитъ. Педагогическіе приемы его тоже поражали насъ, рассказывали ученики Саблукова. Желая, напр., наглядно показать направленіе теченія Волги, Гордій Семеновичъ (такъ звали Саблукова) говорилъ: „Ходи Волгу!“ И ученикъ долженъ ходить по классу съ сѣвера на югъ такъ, чтобы представить всѣ главные повороты Волги.

Синайскій, составитель греческихъ словарей, былъ очень умный и преданный своему дѣлу учитель.

Ректоръ—архимандритъ Никодимъ—занимался преподаваніемъ съ особенной любовью. Хотя каждый урокъ въ семинаріи тогда продолжался два часа, но для Никодима и этого было мало: онъ упрямилъ учителя математики удѣлать ему одинъ часъ для своихъ занятій. Такимъ образомъ, урокъ Никодима шелъ три часа подрядъ. Классныя занятія у него были необыкновенно живы и оригинальны, хотя и велись на латинскомъ языкѣ. Послѣ чтенія своей лекціи, Никодимъ устраивалъ диспуты: одни ученики доказывали извѣстную мысль,—другіе опровергали ее. Ученики говорили въ классѣ экспромпты. Никодимъ требовалъ, чтобы семинаристы дѣлали возраженія, нисколько не стѣсняясь. Первымъ возражателемъ являлся нервный, живой и пылкій И. И. Введенскій. Преосвященному Іакову очень не нравился свѣтскій образъ жизни Никодима, шикарно одѣвавшегося, ѣздившаго по городу въ богатомъ экипажѣ, выписанномъ изъ Петербурга и запряженномъ четверней. Никодимъ имѣлъ большое знакомство, а Іаковъ считалъ это униженіемъ духовнаго

сана. Ревизуя семинарію, по предписанію Синода (Іаковъ прибылъ ревизовать въ 8 часовъ утра), онъ далъ худой отзывъ объ учебной постановкѣ въ семинаріи, въ особенности же о самомъ Никодимѣ, ея начальникѣ. Поэтому, Никодима перевели въ Иркутскій второклассный монастырь, настоятелемъ (1833 г.).

Вообще, составъ преподавателей въ тогочасной семинаріи былъ незаурядный.

Учиться въ семинаріи было довольно трудно; приходилось все время зубрить,—учителя подтрунивали, если ученикъ скажетъ что-либо изъ урока своими словами: „Э! Да ты свои слова вставляешь! Нѣтъ, братъ, умнѣе и лучше книги не скажешь. Не выучилъ урока,—и болтаешь“. Хотя здѣсь не сѣкли, но ставили на колѣна, въ уголь, заставляли въ видѣ наказанія молиться въ столовой за обѣдомъ и класть извѣстное число земныхъ поклоновъ, смотря по винѣ ученика.

Нѣкоторые изъ лучшихъ учениковъ держались того мнѣнія, что отъ однихъ учителей нельзя приобрѣсть знаній,—необходимо, главнымъ образомъ, заниматься самому. Въ семинаріи былъ небольшой кружокъ учениковъ, занимавшихся, помимо обязательнаго готовленія уроковъ, вполне самостоятельно. Ихъ родственники, бывшіе въ университетахъ и академіяхъ, совѣтовали семинаристамъ, что именно прочесть и чѣмъ вообще заниматься; такъ, напр., одному семинаристу братъ прислалъ изъ университета много книгъ для самообразования и подготовки въ университетъ. Въ одномъ изъ такихъ кружковъ былъ въ свое время и Г. Е. Благосвѣтловъ. Особенно полезны были эти кружки потому, что давали возможность добывать книги свѣтскаго содержанія. Семинарское начальство тогда запрещало читать такія книги. Увидитъ, бывало, инспекторъ, архимандритъ Тихонъ, свѣтскую книгу у какого-нибудь ученика,—отниметъ и ни за что не отдастъ. Свѣтскія книги добывали или у торговцевъ Пѣшаго базара, торговавшихъ всякимъ хламомъ, или же у своихъ знакомыхъ.

Что касается отношеній между учениками и преподавателями, то послѣдніе, какъ и теперь, относились къ семинаристамъ гордо и свысока; принимать у себя своихъ же питомцевъ они считали униженіемъ.

Такъ какъ большинство учениковъ народъ былъ бѣдный, то они старались набрать себѣ уроковъ въ городѣ, хотя здѣсь были и свои неудобства: семинарская дисциплина—необыкновенно строга, и всякое опозданіе къ обѣду, ужину или вечернимъ занятіямъ было большимъ проступкомъ.

Изъ семинарской жизни Николая Гавриловича отмѣчу слѣдующіе, неизвѣстные до сихъ поръ факты.

На урокахъ словесности преподаватель Воскресенскій долженъ былъ объяснять, по уставу, священное писаніе. Обычно все дѣло сводилось лишь къ чтенію книги. На этихъ урокахъ Н. Г. поражалъ какъ преподавателя, такъ и товарищей своими познаніями: такой-то нѣмецкій толкователь толкуеть такъ-то, такой-то французскій—иначе, а англійскій толкователь понимаетъ это мѣсто въ такомъ смыслѣ.

Любимымъ преподавателемъ Чернышевскаго былъ Г. С. Саблуковъ ¹⁾.

Вообще нужно замѣтить, благодаря покровительству Іакова, атмосфера семинаріи была очень благопріятна для ученыхъ занятій. То умственное движеніе среди духовенства, виной котораго былъ преосвященный Іаковъ, не прошло мимо Чернышевскаго: занятія Н. Г.—ча татарскимъ языкомъ говорятъ о вліяніи Іакова и Саблукова на будущаго великаго писателя ²⁾.

Въ спискахъ семинаріи за 1843 г. Николай Гавриловичъ аттестованъ: „способностей отличныхъ, прилежанія ревностнаго, успѣховъ отличныхъ, поведенія весьма скромнаго“.

III. У н и в е р с и т е т ъ .

Выйдя изъ семинаріи, Николай Гавриловичъ сталъ готовиться къ поступленію въ университетъ. Я не буду говорить о томъ, какъ совершилось поступленіе туда Чернышевскаго, какъ онъ жилъ тамъ,—обо всемъ этомъ много свѣдѣній изложено Ф. В. Духовниковымъ въ той части его статьи, которая издана мною.

Изъ университета Н. Г. часто писалъ письма родителямъ, тщательно ими сохранявшіяся. Изъ Петербурга же было прислано, какъ родителямъ, такъ и роднымъ, и сочиненіе „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“. Вскорѣ Гаврилъ Ивановичъ съ большой скорбью получилъ извѣстіе, что сынъ не достигъ того, чего онъ желалъ, но не возропталъ Г. И. за это на Бога, и проговорилъ только: „Да будетъ Его святая воля! Да не покинетъ Онъ Своею милостію сына!“

¹⁾ Въ бумагахъ Ф. В. Духовникова въ замѣткѣ о музеѣ при Саратовской семинаріи говорится, что рукописи Саблукова и прот. І. Шиловскаго сохранились въ бібліотекѣ Саратовской семинаріи; это опущено въ напечатанной статьѣ о Н. Г. Чернышевскомъ („Русск. Стар.“, 1890, IX).

²⁾ Письмо Духовникова къ М. Н. Семеvскому, 1890, III. 10).

IV. Опять на родинѣ.

По окончаніи университета, Николай Гавриловичъ поступилъ на службу въ Саратовъ, учителемъ словесности въ гимназію на 485 р. 35 к. Родители были необыкновенно рады его назначенію.

По совѣту и настоянію родителей, онъ бывалъ у своихъ родственниковъ и появлялся въ болѣе интеллигентныхъ домахъ, посѣщалъ образованное семейство Ступиныхъ, Кобылиныхъ (Кобылинъ—предсѣдатель губернскаго правленія), дѣтямъ которыхъ Н. Г. давалъ уроки; бывалъ у совѣтника казенной палаты Д. А. Горбунова, переводчика „Конрада Валленрода“ Мицкевича, ходилъ къ Шабловскимъ. Вездѣ Н. Г. обращалъ на себя вниманіе своей серьезностью и образованностью. Иногда бывалъ Чернышевскій и у тогдашняго епископа Афанасія (сначала—ректора Петербургской духовной академіи, гдѣ его лекціи отличались безжизненностью; онъ между прочимъ, живя въ Петербургѣ, просилъ И. Н. (Виноградова?) перевести, вмѣстѣ съ другими учителями, объ ученіи стоиковъ изъ какого-то греческаго писателя).

Какъ держалъ себя Чернышевскій въ Саратовѣ?

Скажу словами дьякона Сергіевской церкви, Я. Ѳ. Алфіонова-Подольскаго, прекрасно знавшаго Николая Гавриловича.

„Н. Г. былъ—что красная дѣвица... Иногда онъ вызывалъ насмѣшки своей манерой держаться въ обществѣ.

У молодого чиновника Петрова были крестины. Много народу,—больше—чиновники. Теперь (80—90-ые годы XIX ст.) чиновники-то съежились, высматриваютъ убитыми, а тогда каждый писецъ передъ нашимъ братомъ важничалъ. И стали они промежъ себя смѣяться надъ Николаемъ Гавриловичемъ. „Что“, говорятъ они родителямъ его, „какой онъ у васъ? Ни въ какія игры не играетъ, не можетъ ни поговорить, ни потанцевать съ барышнями. Все сидитъ въ углу, а говорятъ, что онъ—ученый. Что въ учености-то его, когда онъ не можетъ быть въ обществѣ? Въ монахи бы ему идти“.

А батюшка-то слушалъ, слушалъ, да и говорить: „Вы, господа, только болтаетесь, да вихляетесь,—путнаго въ этомъ ничего нѣтъ; Николай и не говоритъ съ вами: не любить зря зубы скалить. А когда заговорить,—иное скажете“. И рассказалъ имъ такой случай.

„Пригласили Николая въ гости къ совѣтнику. Барышня заиграла на фортепьяно, да хорошее такое. Гости-то подошли къ ней и стали около нея кружкомъ. Хорошо играла. Одинъ изъ гостей и спроси Н. Г. о чемъ-то; онъ и сталъ говорить, да такъ, что одинъ

по одному всѣ и отошли отъ барышни, и встали около него кружкомъ, а барышню одну оставили. А когда Н. Г. окончилъ,—кто-то въ ладоши захопалъ, и всѣ подхватили. „Послушать умныхъ людей полезно“, говорили они другъ другу. Вотъ, какой онъ. Вы не знаете, и говорите“.

А когда гости соберутся у него,—все объ учености говорятъ, а не то, что въ попойкахъ время проводятъ, какъ нашъ братъ—чиновникъ. Разъ Знаменскій пришелъ къ Гавріилу Ивановичу по какому-то дѣлу и просидѣлъ цѣлый вечеръ, а тамъ гости—учитель Е. А. Бѣловъ и Н. И. Костомаровъ. Они спорили съ Николаемъ Гавриловичемъ о какомъ-то словѣ цѣлый вечеръ.

— „Что, весело тебѣ было тамъ“, спрашивали Знаменскаго его товарищи-чиновники?

— „Чорта съ два,—весело: Николай Ивановичъ (Костомаровъ) цѣлый вечеръ проспорилъ съ Николаемъ Гавриловичемъ изъ-за одного слова, — въ азартъ вошли; Николай Ивановичъ кипятится, пыхтитъ, а Н. Г. все посмѣивается. Одурь взяла. Зѣвота одолѣла: знаете, въ сонъ бросило. Подали закусить и выпить. Стали закусывать, но никто не дотронулся до водки. Просили меня выпить. Хватилъ двѣ рюмки; подмываетъ тебя и еще выпить, а неловко: никто не пьетъ“.

И всегда такъ. Примѣрной жизни былъ человекъ; во всемъ, даже въ ѣдѣ умѣренъ. А послушали бы вы, что говорятъ о Н. Г.—чѣ важныя особы! Александръ Дмитріевичъ Горбуновъ, и ученый, и бывалый человекъ, да и тотъ рассказывалъ: „Бывалъ я и въ Питерѣ, и въ Москвѣ, и въ другихъ городахъ, былъ знакомъ съ министрами, съ писателями, аристократами, архіереями и разными другими высокими персонами, духовными и свѣтскими, но не видывалъ я“, говорить, „такихъ высокихъ качествъ человека, какъ Николай Гавриловичъ: и уменъ, и нравствененъ, и благодѣтеленъ. Пятнышка на немъ не замѣтите! Истинной христіанской жизни былъ человекъ! Вотъ, и не возьму я въ толкъ, говорю вамъ, за что его сослали въ Сибирь. Можетъ, по злобѣ надели на него, и повѣрили имъ. Мало ли чего бываетъ на свѣтѣ? Много зла могутъ сдѣлать люди“.

У. Гимназія.

Саратовская гимназія, гдѣ пришлось Николаю Гавриловичу показывать свои педагогическіе таланты, находилась въ печальномъ положеніи. Ученики не любили ея. Ихъ заставляли только зубрить.

Про учителей, особенно про директора, Мейера, ходила масса анекдотовъ и каррикатуръ. Ученики дѣлали, въ сущности, очень мало. Практиковались побои, ругань и грубое обращеніе.

Н. Г. обращался необыкновенно гуманно, хорошо поставилъ литературныя бесѣды; преподаваніе велъ сократическимъ методомъ. Интересно отмѣтить, что при преподаваніи словесности, Чернышевскій касался славянскихъ нарѣчій, которыя его очень интересовали. Словесность была только главнымъ предметомъ на его урокахъ; много мѣста удѣлялось крѣпостному праву, суду, религіи, географіи, исторіи, политическимъ наукамъ. Безпрепятственно онъ заинтересовывалъ своихъ учениковъ новыми идеями; даже при Мейерѣ говорилъ о вредѣ крѣпостного права для Россіи. Вообще это былъ такой же публицистъ, какимъ онъ выступилъ въ „Современникѣ“. Онъ всюду вступалъ въ разговоръ, гдѣ только встрѣчался поводъ высказать новыя въ то время идеи. „Когда“, говоритъ одинъ изъ знакомыхъ Н. Г.—ча, „онъ узналъ отъ меня, что я хотѣлъ было поступить въ военную службу, но отецъ отговорилъ меня, то Николай Гавриловичъ затѣтилъ: „Напрасно вы не пошли въ военную службу: въ войскѣ мало людей развитыхъ,—нужно наполнить его подобными людьми“.

Въ результатѣ педагогической дѣятельности Н. Г.,—какой-нибудь карапузикъ, не умѣвшій сдѣлать задачи по алгебрѣ, серьезно рассуждалъ въ домѣ своихъ родителей о постахъ и ихъ ненужности, ѣлъ въ постъ скоромное, чѣмъ и приводилъ въ ужасъ родителей. Когда на мальчика сыпалась брань,—онъ увѣрялъ, что Н. Г. говорилъ—ѣсть скоромное въ постъ не грѣшно.

Слухи о томъ, что Николай Гавриловичъ занимается на урокахъ не одной словесностью, стали доходить и до Мейера, который участвовалъ посѣщеніе уроковъ Чернышевскаго.

[О положительной сторонѣ преподаванія Чернышевскаго, см. въ статьѣ Ф. В. Духовникова, „Русская Старина“, 1911 г.]

Вѣроятно, слухи объ этомъ дошли и до Гавриила Ивановича. Николаю Гавриловичу приходилось успокаивать его; самъ Н. Г. всегда уважалъ настолько отца, что въ постные дни даже не ѣлъ скоромнаго; даже тогда, когда въ постные дни подавалась гостямъ скоромная закуска, вмѣстѣ съ постной, — онъ ѣлъ постное, но отецъ заставлялъ ѣсть скоромное. Изъ уваженія къ Гавриилу Ивановичу, Н. Г. посѣщалъ и церковь, считая нужнымъ зайти въ нее хоть на полчаса, или къ концу богослуженія, иногда—съ кѣмъ-нибудь.

— „Хорошо вы дѣлаете, что посѣщаете храмъ Божій“, говорилъ послѣ Г. И. сыну и его спутнику, — „Богъ благословитъ васъ за это“.

Въ Саратовской гимназіи Николай Гавриловичъ, несмотря на кратковременность своего пребыванія въ ней, оставилъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія между учениками. Онъ ушелъ оттуда, преслѣдуемый проклятіями своихъ товарищей-учителей, кредитъ которыхъ среди учениковъ былъ окончательно подорванъ; грубая матеріальная сила уже не могла служить опорой въ отношеніяхъ между оставшимися учителями и ихъ питомцами. Каѳедра словестности скоро была занята другимъ, умнымъ и кроткимъ преподавателемъ, не имѣвшимъ, однако, ни той энергіи, ни тѣхъ дарованій, которыми владѣлъ прежній учитель.

А. А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

